

Каждая биеннале – это попытка установить временный порядок в неконтролируемой ситуации.

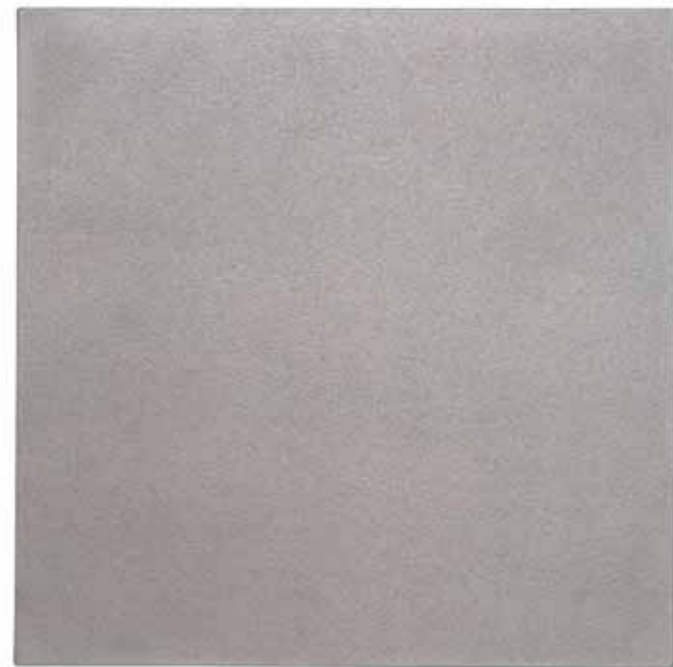
Адам Д. Вайнберг

Натэлла Войскунская

Биеннале современного американского искусства в Музее Уитни, Нью-Йорк

Оливьер МОССЕТ
Без названия. 2007
Полиуретан,
нанесенный на холст,
девятнадцатая
композиция
121,9×121,9

Olivier MOSSET
Untitled. 2007
Polyurethane sprayed
on canvas, nine parts
121,9×121,9 cm

В марте этого года мне довелось оказаться в Нью-Йорке как раз во время открытия Биеннале-2008 в Музее американского искусства Уитни и, совершенно естественно, я не упустила шанс познакомиться с этим значительным событием, увидеть своими глазами современное искусство США. Путешествие по Музею Уитни представляло для меня несомненный интерес, ведь российский опыт проведения аналогичных мероприятий практически равен нулю. И тем не менее идея сравнения, раз сформировавшись, не отпускала меня – любая масштабная национальная выставка великой мировой державы, как в зеркале, отражает наиболее существенные тенденции, характеризующие состояние современного искусства в целом. Мои ожидания оправдались: они были очень точно сформулированы Донной де Сальво, шефом-куратором и заместителем директора по выставочным программам Музея Уитни: «Биеннале – это лаборатория, это попытка нащупать пульс того, что же происходит в настоящий момент, и выставить происходящее на публичное обозрение... Работать с современным искусством означает, во-первых, избегать легковесных оценок, а во-вторых, понимать, что этих оценок – великое множество. Для Музея Уитни и для наших зрителей Биеннале – это один из способов знакомства с состоянием современного искусства».

Джо БРЭДЛИ
Иnstалляция. 2007

Joe BRADLEY
Installation view. 2007

Для участия в Биеннале-2008 было отобрано более 80 художников (причем среди них нет ни одной знаковой фигуры американского искусства!). Результаты их творческих усилий демонстрировались на трех этажах музея. Самому старшему экспоненту – 77 лет, самому молодому – 29. Впервые с 1932 года Биеннале вышла за пределы Бройеровского здания музея и была представлена в Армори на Парк авеню интерактивными инсталляциями, мультимедийными и танцевальными перформансами и т. п.

Кстати, несколько слов о самом музее. С первого знакомства с ним, состоявшегося в 1989 году, мне запомнились, а при последующих многократных посещениях все больше нравились его архитектурная организация, великолепные выставки, возможность непосредственного соприкосновения с современным американским искусством... Всякий раз я была удовлетворена, причем это вовсе не означает, что мне нравилось то, с чем я знакомилась воочию: иногда я полностью отвергала экспозицию или признавала себе, что просто не поняла, а потому и не приняла какую-то выставку. Увиденное нередко вызывало во мне раздражение, но никогда я не могла квалифицировать это как бессмыслицу, как непрофессиональный показ артефактов нового американского искусства. Ни одного раза не возникало ощущения, что экспозиция не вписывается в архитектурное пространство музея или полностью выпадает из континуума настоящего времени, не принадлежит ему.

Всю эту гамму эмоций мне довелось испытать и на Биеннале-2008. Вновь обращаюсь за поддержкой к американскому коллеге Адаму Вайнбергу: «Люди

приходят на Биеннале в Уитни, ожидая открыть для себя новые имена в искусстве, увидеть нечто свежее и значимое, принять вызов, исходящий от экспериментальных идей и форм... и, возможно, более всего осознать, каково состояние современного искусства». А для этого надо вспомнить заповедь, зафиксированную еще в далеком 1932 году на первой биеннале американского искусства: «миссия биеннале – защита интересов и поддержка живущих художников». Многолетний арт-директор ведущей частной художественной галереи «Уилденштейн» в Нью-Йорке бывший киевлянин Владимир Виссон компетентно свидетельствует: «Я не думаю, что в мире есть еще одна страна, так же озабоченная открытием и пропагандой талантов своих живых художников, как Соединенные Штаты». Это объясняет многое, и прежде всего те поистине титанические усилия, которые предпринимались кураторами, сотрудниками Музея Уитни, многими галереями, музеями и всеми заинтересованными лицами для того, чтобы представить на суд зрителей результаты действительно достоверного и профессионально оправданного отбора участников Биеннале-2008. Конечно, говоря о биеннале современного искусства любой страны, мы вполне осознаем, что за два года, прошедших после предыдущего события, как правило, не стоит ожидать никаких революционных, кардинальных изменений. Именно поэтому надо обладать особым видением и интуицией, чтобы почувствовать что-то новое в самом зародыше, увидеть некое зерно истины в «мультивалентном отклике» ныне живущих художников на вызовы сегодняшнего дня.

Таким образом, кураторы уподобляются волшебникам, ибо они как бы конструируют будущее.

Итак, вот краткое обозрение «пейзажа» современного американского искусства, увиденного моими глазами.

Трудно не заметить явное количественное преобладание видеоарта – подобная тенденция характерна не только и не столько для Америки. Пожалуй, этому виду искусства уже пора завоевать обособленное место под безжалостно палящими лучами солнца международного художественного Универсума, так сказать, отделиться от того, что традиционно принято называть изобразительным искусством. Я испытывала искреннее сожаление, переходя из зала в зал Музея Уитни: глядя на довольно немногочисленных видеозрителей, мне было немного жаль художников, этих многочисленных видеоартистов, ведь посетителей, у которых хватало терпения досмотреть фильм до конца и уловить его идею, постичь суть и заглянуть в корень, было и того меньше... Конечно, можно сказать, что кто-то посмотрит одно, кто-то – другое: выбор-то поистине велик и, пожалуй, пока что превышает спрос... А все же одна мысль не покидала меня: если взять да убрать все видеопроекты, что же останется? Почти ничего? Похоже, что так...

К счастью, есть еще художники в традиционном понимании этого слова – адепты скульптуры, живописи, графики (наверное, как исключение!)... Об их работах и хочется поговорить в первую очередь. Чувствую, что мои слова звучат крайне старомодно – словно я никогда не читала статей и эссе современных критиков или не удосужилась хотя бы просмотреть напечатанное в каталоге к

A biennial is an exercise in imposing temporary order onto a situation that is, essentially, out of control.

Adam D. Weinberg

Natella Voiskounski

Contemporary SMS-art

The 2008 Biennial at the Whitney Museum, NY

I happened to be in New York in March this year and naturally did not miss a chance to visit the 2008 Biennial at the Whitney Museum of American Art. This most important survey of the state of contemporary art in the USA today should by all means be of special interest for me – a representative of a country which has very little (or better to say no) experience in organizing such cultural events: 74 in the Whitney in New York against 2 in Moscow! Nevertheless the idea to make a comparison seemed real – each large-scale survey mirrors the most vivid tendencies common for the state of contemporary art in general. My expectations came true. As it was put by Donna de Salvo, the Whitney Chief Curator and Associate Director for Programmes: “The Biennial is a laboratory, a way of ‘taking the temperature’, of what is happening now and putting it on view... In dealing with the art of the present, there are no easy assessments, only multiple points of entry. For the Whitney, and for our public, we hope the Biennial is one way in.”

Over 80 artists (no iconic figures among them!) were selected to participate in the 2008 Whitney Biennial to exhibit the results of their creativity in the entire three floors of the Museum – the eldest of whom was born in 1931, the youngest in 1980. For the first time since 1932 the Biennial expanded beyond the Breuer building into the Park Avenue Armory in order to present there some interactive installation works, music and other performances, and the like.

As for me I like the very Whitney Museum, its architectural organization and its permanent collection, its grand exhibitions and the possibility to be in touch with contemporary American art, to come face to face with it... Really, each time you come in you are satisfied with what you see. It is not that you always like what you have seen; it is not a rare occasion when you completely reject the exhibits, that you do not comprehend, that sometimes you are even irritated, but you can never say that what you saw was meaningless, non-qualified, or neglecting the space of the Museum and the sense of the Present.

It was the same with the 2008 Biennial. As Adam Weinberg puts it: “People come to the Whitney Biennial expecting a great many things: to discover new artists, to experience fresh and important art, to be challenged by experimental ideas and forms ... and, perhaps, above all, to gain some understanding of the present moment in art.” To realize what this artistic event means one should keep in mind that since the first biennial in 1932 its “mission was to advocate and support liv-

ing artists”. The curators of the event considered it of importance to remind about this mission, as it explains all the titanic efforts undertaken by the curators, the staff of the Museum and many galleries, institutions and individuals in order to make a reliable and trustworthy selection of the participating artists. This echoes the experience-based evidence of Vladimir Visson, who since the 1940s was the art director of a leading private art gallery of the USA “Wildenstein”, in New York, expressed in his book “Fair Warning: Memoirs of a New York Art Dealer” (1986): “I don’t think there is any country in the world as anxious to discover and propagate the talents of its living artists as the United States.”

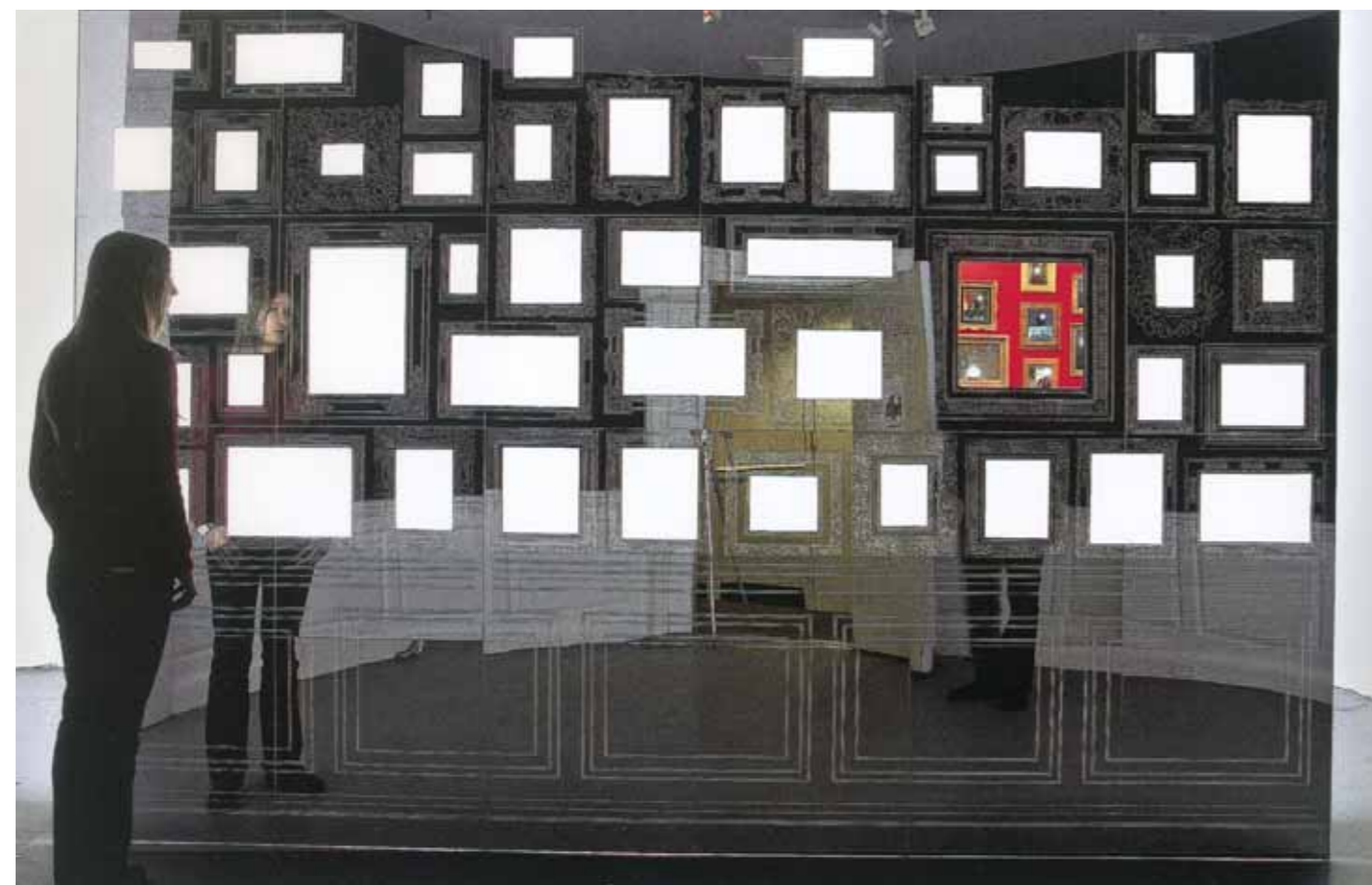
In considering any biennials of contemporary national art we are aware of the fact that within a two-year period there cannot be any revolutionary, dramatic changes. One should really have a very keen and accurate vision, be always on the alert to feel something new in the bud, to develop deep intuition to be able to see a grain of truth and a rational kernel in the “multivalent response” of the living artists to the challenge of the Present. In short, to be able to read their message through their artwork. Thus the curatorial activity resembles that of a magician – to construct the “Future”.

Here is the landscape of contemporary American art through my eyes – through the eyes of the *l'étranger*. One cannot fail to note the prevalence of videos – a tendency not particularly characteristic of American art. It seems this kind of visual art should win its own place under

the merciless sun of the international artistic universe and become separate from what is (or probably already “was”?) traditionally understood under the term “visual arts”. In the majority of cases I felt pity for the artists – there were really few viewers, and among them – even fewer of them who had patience to watch a video from beginning to end to catch the idea, to get into the core, to see to the bottom and to get the message. It might be said that somebody would see this, another that, a third something else – the choice is really great... But one thing bothers me and never let me escape: imagine there were no videos – what remains?!

Fortunately there are still artists – adepts of sculptural forms, painting, and graphic art... I feel I sound very old-fashioned indeed, as though I have never read any writings of contemporary art critics, or at least, was so lazy that I never bothered myself to look through the articles published in the Whitney Biennial 2008 catalogue which right now is on my desk... But *revenons a nos moutons* – to our selected artists, our offerings to Art.

Can one depict contemporaneity using traditional kinds of arts? Or using traditional media and techniques would mean not being contemporary? Or a contemporary artist cannot reach a highest point of self-realisation through a painting or a drawing as such? Of course, one can. But any artist would always strive to something new, crave for the yet unknown and not yet discovered and would prefer his/her own perception against that of somebody else... Nevertheless are we not

Эллен ХАРВИ
Несостоявшийся
музей: коллекция
невозможных
предметов
и невидимых
автопортретов. 2007
Плексиглас
с авторской
гравировкой,
алюминиевая рама,
флуоресцентные
лампы, холст,
масло. 12 частей
в подержанных
рамах.
243,9×304,8

Ellen HARVEY
Museum of Failure:
Collection of Impossible
Subjects & Invisible
Self-Portraits. 2007
Hand-engraved
plexiglass and
aluminium frame,
fluorescent lights,
oil on canvas, 12 parts
in second-hand frames
243.9×304.8 cm

Мика РОТТЕНБЕРГ
Сыр. 2007–2008
Инсталляция, смешанная
техника, многоканальная
видеоинсталляция,
цвет, звук

Mika ROTTENBERG
Cheese. 2007–2008
Mixed-media installation
with multichannel video
installation, colour, sound

Чарльз ЛОНГ
Без названия, из серии
«Поэма о реке». 2005
Хромогенный отпечаток
27,9×35,6

Charles LONG
Untitled, from the series
“Poem of the River”. 2005
Chromogenic print
27.9×35.6 cm

pushing the contemporary viewer to a perception of nothingness — a kind of effect of the “naked Emperor”, making nakedness blindly accepted as a norm...? I mean something like Olivier Mosset’s two “Untitled” polyurethane sprayed canvases in which the radical idea of “deskilling” has reached its highest point: Any viewer while meditating before these paintings could come to his/her paradox point —

why not me? Just take a paint and paint, and probably I could find a nice title to my doings... why not?

As for the videos, I really appreciated two — Javier Tellez’s (a New-Yorker from Venezuela) “Letters on the Blind, For the Use of Those Who See”. Very long indeed, this film combines documentary and fiction and provokes the viewer to think where the boundary between the normal and the pathological can be set. Something in Tellez’ cinematic approach seemed Fellini-esque — a reminiscence of Fellini’s processions, of circus people and even Fellini’s merciful vision of hope.

The second one was Mika Rottenberg’s (a New-Yorker from Argentina) — her “Cheese, 2007”. In spite a direct allusion to the Sutherland seven sisters with their remedies for long hair and a clear reference to the Brothers Grimm’s “Rapunzel” with her very long beautiful hair, the artist managed to reach a highest degree of the Pre-Raphaelite’s aesthetics with their special attention to women’s hair. The free wavy magic movements of the six women’s heads crowned with thick long hair captures the eye and you are ready to follow their movements again and again as if participating in a mysterious performance — live hair dances.

My introductory text introduces me as an advocate of traditional art forms or of those contemporary artefacts in which I can trace them. Therefore it is no surprise I liked Rita Ackermann (a Hungarian living in New York) and her bold combinations of everything with everything even if it is “Not Yet Titled”, from 2008. In general in everything she does she remains an artist exposing her ability to paint, to draw, to make collages, to combine materials and messages, to present images that are attractive in their ugly beauty and beautiful ugliness.

Naturally, my searches in aesthetics were completely satisfied by Ellen Harvey (another New-Yorker of British origin) and her “Museum of Failure: Collection of Impossible Subjects & Invisible Self-Portraits”, from 2007. Through an opening in a rear-illuminated mirror wall turned by the intricate hand-engravings into the imitation of the salon-style exhibition, one can see the artist’s invisible, spoiled by the camera splash self-portrait in her studio. Ellen Harvey’s non-failure in bringing together the artist and the museum, frames that work and paintings that do not work might be a “transparent” hint on some paintings that hang on museum walls looking worthy of attention only because of their frames.

Joe Bradley (an American living in New York) was another attraction, whose bright monochromatic canvases in different geometrical combinations formed some installations *a la* Mondrian. Laconic to a minimalistic degree they are constructed to make either animal-like or human-like configurations which co-exist to compose a large scene of a would-be action.

My particular attention was given to Charles Long (who lives in LA). He created

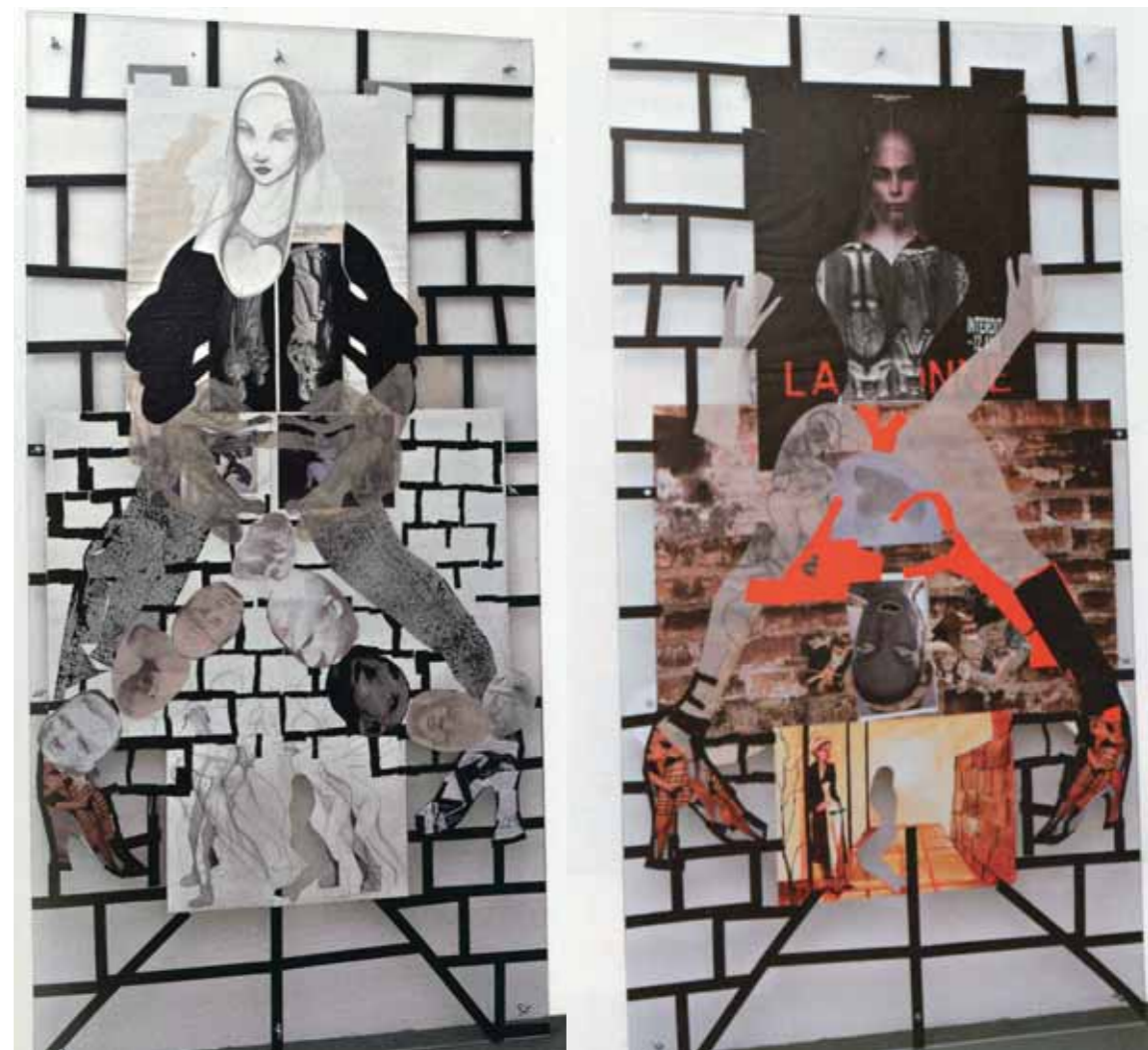
Биеннале-2008... Но вернемся к отобранному для участия в Биеннале авторам, добровольно отдавшим себя на заклятие современному искусству.

Итак, можно ли отразить современность со всеми ее зигзагами (да разве были когда-либо времена без зигзагов?), используя исключительно традиционные виды искусства? Или же быть традиционалистом означает не быть современным? Разве современный художник не может достичь наивысшего уровня самореализации, создавая живописные работы на холсте или рисуя на листе бумаги? Может, конечно. Всегда, однако, хочется чего-то нового, не проторенного предшественниками. Хочется двигаться по собственной колее, да еще и на своем коне... А все-таки не подталкивают ли подобные всадники современного зрителя к восприятию «чего-то несуществующего», не создается ли своеобразный эффект «голово короля», когда «ничто» принимается за «нечто», за норму?... Я имею в виду два полотна Оловьера Моссета «Без названия», наглядно воплощающих его радикальную идею деквалификации мастерства. Любой «медитирующий» зритель, глядя на эти работы, вполне может подумать: а ведь и я могу выкрасить холст краской, да еще и не потрудиться придумать броское наименование своему опусу..

Если вернуться к видеоарту, то хотелось бы отметить двух нью-йоркских авторов — венесуэльца Хавьера Теллеза и аргентинку Мику Роттенберг. Фильм Теллеза «Письма слепых тем, кто зряч», в котором сочетаются принципы документального и художественного кино, провоцирует к осмыслению того, насколько условна граница между нормой и патологией. В цепочках слепцов и в грустных циркачах чувствуется что-то близкое стилистике Феллини — Теллезу удалось отразить даже столь свойственное великому мастеру сочувствие к безнадежности надежды. Шесть длинноволосых, облаченных в хламиды героинь Роттенберг («Сыр»), конечно, вызывают прямые аллюзии с сестрами Сазерленд и их снадобьями для роста волос. Не обошлось тут и без братьев Гримм, ведь сказочная обладательница прекрасных длинных кос Рапунцель вполне могла бы быть прообразом каждой из роттенберговских молочниц. Видеохудожнице удалось в некоторых моментах приблизиться к волнующему эстетизму прерафаэлитов, для которых было характерно особое внимание к женской красоте и, в частности, к красоте волос. Свободные волны ниспадающих почти до земли прядей создали магическое действо, притягивающее как магнит. Кажется, зритель готов еще и еще раз наблюдать редкое представление — живой танец волос.

Неудивительно, что, будучи сторонницей обращения к традиционным художественным формам, я не прошла мимо впечатляющих работ живущей в Нью-Йорке венгерки Риты Акерманн. Создавая образы, привлекающие своей отпугивающей красотой, она использует различные техники, смело сочетая все со всем, — живопись, рисунок, коллаж.

Мои поиски эстетствующих художников увенчались успехом: нью-йоркская художница Эллен Харви родом из Великобритании показала «Несостоявшийся музей: коллекция невозможных предметов и невидимых автопортретов, 2007». Представьте себе некий вариант салонной экспозиции: подсвеченную зеркальную стену с прорезанными в ней прямоугольными проемами, на месте которых могли бы быть картины — рамы для них «остались» на зеркальной поверхности (они имитированы искусно выполненной ручной гравировкой). Сквозь одно из отверстий можно разглядеть неразличимый из-за вспышки фотокамеры автопортрет Харви в ее студии. Идея соединить художника и музей; рамы, которые притягивают взоры и стилем, и художественным исполнением; наконец, ничем не примечательные картины — не прозрачный ли это намек на то, что произведения, украшающие стены вполне состоявшихся музеев, нередко бывают хороши ровно настолько, насколько хороши их рамы?

Понравился мне и Джо Брэдли из Нью-Йорка. Его монохромные яркие полотна в различных геометрических комбинациях образовали инсталляцию а ля Мондриан. Схематичные анималистические и антропоморфные конфигурации лаконичны, доведены до минимализма. Объединенные общим пространством, они отлично уживаются друг с другом и как бы образуют некий просцениум — вероятное место действия.

Живущий в Лос-Анджелесе Чарльз Лонг привлек внимание многочисленных посетителей Биеннале-2008. Он делает свои скульптуры из скапливающегося по берегам рек мусора. Про себя я назвала его «ловец у реки». В полном соответствии со своей фамилией (в переводе с английского «лонг» означает «длинный»), художник создает из помета серой цапли удлиненные, как работы Джакометти или некоторые персонажи полотен Сальвадора Дали, скульптуры-призраки. Глядя на них, невольно вспоминаешь ахматовское «когда б вы знали, из какого сора...».

Шерри Левин представила отлитые из бронзы полированные «маски тела», соединив ритуальные танзанийские маски с «Насилием» (1934) и «Представлением» (1937) Рене Магритта. Серия «Золотые ключи» Сета Прайса также вызывает ассоциации с работами великого бельгийца: изображение рук, передающих

Рита АКЕРМАНН
Монашка/Мать/
Блудница. 2006
Двусторонний коллаж
на плексигласе
219,8×109,2

Rita ACKERMANN
Nun/Mother/
Whore. 2006
Collage on plexiglass,
double-sided
219.8×109.2 cm

Чарльз ЛОНГ
Без названия. 2006
Папье-маше, гипс, сталь,
синтетический полимер,
речной ил, мусор
365,8×182,9×17,8

Charles LONG
Untitled. 2006
Papier-mache, plaster,
steel, synthetic polymer,
river sediment, and debris
365.8×182.9×17.8 cm

his pieces from river junk and I called him to myself "A Catcher in the River". I believe he was appreciated not only by me. In accordance with his family name he has made his frail sculptures really long, prolonged, ghost-like, having added some fantasmagoric aura to these Giacometti-associated figures. Long's sculptures made of great blue heron excrements and modeled after these birds reminded me of the poetic lines of a great Russian poetess Anna Akhmatova:

*I wish you were aware from what stray matter
Springs poetry to prosper without shame,
Like dandelions which the children scatter,
Or pigweed of the lowly name.
An angry shout, the molten tar's hot stinging,
A magic growth of mould upon a wall...
And straightaway the verse is gaily ringing
To gladden one and all.*

A set of really impressive polished bronze body masks by Sherrie Levine bridges Tanzanian ritual masks with Rene Magritte's "The Rape" of 1934 and "Representation" of 1937 in a shaped frame (Edinburgh Museum). Another unexpected reminiscence of the great Belgian came from Seth Price with his "Gold Keys" – a surrealist vision of hands passing the keys turned into that of two birds...

I cannot say that my desire to see "real traditional art" was satisfied by Robert Bechtle's photo-realist paintings. The eldest of the participating artists did not manage to achieve the degree of the emotional and visual impression to be able to overpass his renowned predecessors.

To cut my story short I concentrated on those things that were appealing to me due to their bold creativity and impressive artistic results. As for the majority of the exhibited artefacts, "therapeutic" projects, video-speculations on gay-porno-art in the pre-AIDS era or reconstructions of world-known fairy-tales I would prefer to make no comments following the advice of Ludwig Wittgenstein formulated in his "Tractatus": "Whereof one cannot speak, thereof one must be silent."

In conclusion I would like to mention Bert Rodriguez and his vinyl letterings on the elevator doors saying "The End" – it was the first thing I saw and read in the elevator taking me to up to digest the Whitney Biennial 2008 – a symbolic message and a rather ironic one indeed... But in any end of any process the beginning of something is implied. In contemporary art there are a multitude of beginnings and starting points... What will make the new art of the Future? What will be appreciated by new generations of viewers and connoisseurs of art? 21st century art would be concrete, sensational, emotional, reflecting on everyday life and more and more and more technogene-tronic.

Cardinal changes characteristic of all kinds of arts though different in their tempo tell first and foremost upon contemporary artistic language, facing dramatic changes in all its fundamental elements, such as subject, composition, and stylistic devices... Language as a means of communication in the

Брайан ДЕГРО
Никакой критики
в королевстве(-ах)
Марса. 2007–22
Бумага, коллаж
24,8×21,3

Brian DeGRAW
No Critique in the
Kingdom(s) of Mars
2007–22
Collage on paper
24.8×21.3 cm

21st century has become another language, using non-traditional means to build an image or to bring a number of images together in a certain interaction, to form a message or to reveal or conceal some sense...

Here it should be pointed out that an attentive viewer, taken aback by an exhibit, very often feels at a loss unless he/she reads those explanatory texts of the curators (sometimes provoking the effect of the "naked Emperor") that have become a kind of an obligatory accessory of contemporary art. In other words, contemporary visual art needs verbalization.

At the same time the language of contemporary radical non traditional literature – this primarily verbal art – rejects synthacsis, struggles against metaphor, eliminates stylistics... Not long ago a new kind of literary work was introduced to the world – a new example of the old-fashioned literary epistolary genre – a novel in letters, written on the part of a Finnish top-manager of the Microsoft division. Its author Hannu Luntiala "wrote" his novel with SMSs only. Those SMSs became a fundamental element in the description of the subject and collisions that are taking place in the novel. Literature seems to have left the literary text, giving place to the letters.

Is contemporary visual art taking the same path? What will become its minimal discrete element – an equivalent to SMSs? What will become a new visual unit to encourage the new art of the Present to become that of the Future? And can the coming national and international biennials offer answers to these questions?

The Editorial Board of the Tretyakov Gallery Magazine express their gratitude to the Press office of the Whitney Museum of American Art for cooperation in the preparation of this article.

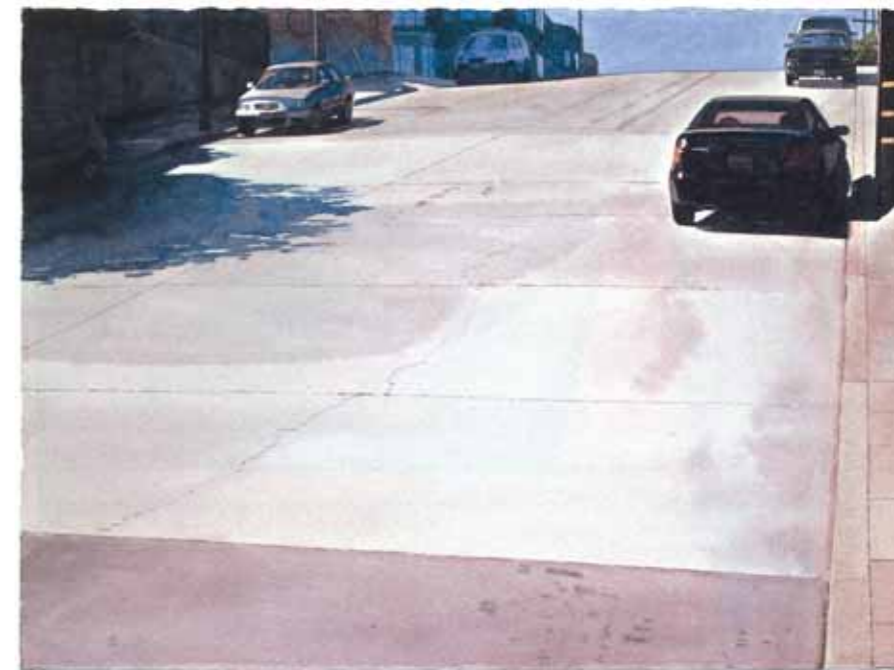
ключи, сюрреалистическим видением преобразуется в двух птиц...

На Биеннале-2008 было представлено и «настоящее реалистическое искусство», но при всем желании я не могу сказать, что фотореалистические работы Роберта Бектла привели меня в восторг. Старейшему из участников не удалось достичь нужной степени художественной убедительности, чтобы сравняться с заслуженно добившимися признания предшественниками.

В этом кратком изложении я остановилась именно на том, что привлекло мое внимание, показалось интересным, смелым, в чем «билась» творческая мысль. Что же сказать об основной массе представленных артефактов, «терапевтических» проектов, видеоразмышлений о гей-порнографии в доспидовскую эру или реконструкции сюжетов всемирно известных сказочников?.. Людвиг Витгенштейн, помнится, обронил как-то фразу, которая оказалась замеченной, поскольку шла вразрез с устремлениями философского мейнстрима – завершая свой «Трактат», он заявлял: «О чем нельзя говорить, о том следует молчать». Я, пожалуй, последую этому призыву...

В заключении своего обозрения, не могу не отметить надпись, сделанную Бертом Родригесом на дверях кабины лифта, – "The End" («Конец»). Это было первое, что я увидела (прочла) на Биеннале-2008. Что ж, ироническое послание звучит вполне символично. Однако в каждом разумном завершении некоего процесса должны быть заметны ростки нового. В современном искусстве таких одновременно прорастающих процессов тьма. Как всегда, неясно, что именно возьмет верх и чем станут восхищаться новые поколения ценителей. Вероятно, искусство XXI века будет конкретным и вместе с тем скандальным, рефлексивным и в то же время эмоционально откликающимся на происходящее вокруг плюс все более и более технологичным.

Кардинальные изменения затрагивают все виды искусства, хотя и с разным ускорением. Прежде всего трансформации подвергается художественный язык: основополагающие элементы построения образа, правила соединения их между собой, обращенный к зрителю посыл, скрытый смысл, если таковой имеется... При всем при том на выставках современного искусства добросовестный зритель зачастую пребывает в недоумении пока не превратится в читателя пространственных объяснительных кураторских текстов (они-то иной раз и способствуют созданию эффекта «голового короля»). А тем временем язык современной литературы – искусства изначально вербального и лишь в очень небольшой степени визуального – отменяет синтаксис, борется с метафорой, уничтожает стилистику. Появился, к примеру, «новейший» образец старинного и почтенного литературного жанра – романа в пись-

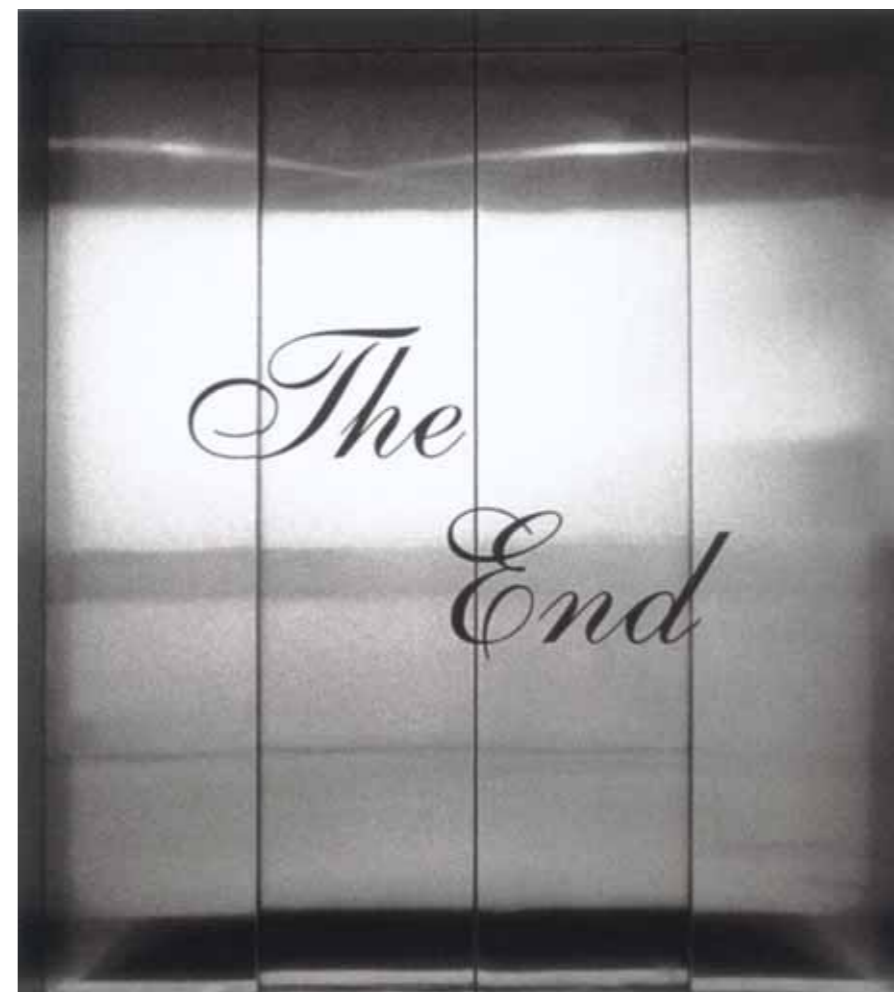
Роберт БЕКТЛ
Шесть машин на
Двадцатой улице. 2007
Бумага, акварель
56,8×76,2

Robert BECHTLE
Six Cars on
20th Street. 2007
Water-colour on paper
56.8×76.2 cm

мах: Ханну Лунтиала сконструировал роман от лица топ-менеджера подразделения «Майкрософт», состоящий из одних лишь SMSок, которые стали единицей описаний, взаимоотношений и в целом двигателем авантюрного сюжета... Из литературного текста ушла Литература, остались одни литеры. Не идет ли современное изобразительное искусство тем же путем? Каким окажется наиболее лаконичный эквивалент SMSок? Ка-

кая изогема станет новым символом новой формы нового современного искусства – той формы, которой предстоит стать его будущим? Ответят ли на этот вопрос грядущие национальные и международные биеннале?

Редакция журнала «Третьяковская галерея» выражает признательность пресс-службе Музея американского искусства Уитни за предоставленные материалы.

Берт РОДРИГЕС
Конец. 2001
Надпись винилом
на дверях лифта,
CD и плеер с пятью
удаленными колонками,
сенсорное освещение,
размеры могут
меняться.

Bert RODRIGUEZ
The End. 2001
Vinyl lettering on
elevator doors,
CD and player with
remote five speakers,
and light with motion
sensor, dimension
variable.